

ПРЕЗЕНТАЦИЯ ПРОЕКТА «ИСЛАМСКИЕ РАДИКАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ НА ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРТЕ СОВРЕМЕННОГО МИРА»

САВАТЕЕВ

Анатолий Дмитриевич

д-р ист. наук; ведущий научный сотрудник Центра цивилизационных и региональных исследований Института Африки Российской академии наук (123001, Россия, г. Москва, ул. Спиридоновка, д. 30/1).
E-mail: asavat@mail.ru

Аннотация. В статье излагаются основные научные подходы и принципы проекта исследования современного исламистского движения в мировом политическом процессе, предпринятого Центром цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН при участии авторитетных специалистов многих российских университетов и зарубежных центров. Что стоит за понятием исламского радикализма, почему, как и где он зародился, какую историческую и социальную роль выполняет в мире — такие вопросы поставили перед собой инициаторы коллективной монографии, не имеющей аналогов в мировом исламоведении.

Ключевые слова: ислам, исланизм, политический ислам, исламские радикальные движения, салафизм, ваххабизм, Исламское государство, цивилизационный подход, исламский фундаментализм.

Центр цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН осуществляет исследовательскую программу «Исламистское движение в мировом политическом процессе: идейные направления, организации, тенденции развития». В рамках этой программы, которая формально рассчитана на три года (2013–2016), готовится монографическое издание в нескольких томах под названием «Исламские радикальные движения на политической карте современного мира».

Основная задача проекта — дать по возможности полное представление о природе, деятельности, взаимоотношениях с властью и перспективах развития исламистских движений в максимально возможном числе государств, где радикальный ислам в том или ином виде проявляет общественно-политическую активность.

Предметом исследования являются процессы, порождающие радикальные учения и способствующие их воплощению в жизнь, цели и задачи радикальных организаций, их взаимоотношения с официальной властью и обществом. В центре внимания также взаимовлияние Запада, России, других субъектов мировой политики, с одной стороны, и исламских

движений — с другой; возникновение на основе этих движений глобальных религиозно-политических организаций, их соперничество и воздействие на мусульманское общество, особенности взаимоотношений фундаменталистских и традиционных течений.

Проблематика феномена радикального ислама чрезвычайно разнообразна. Отчасти поэтому до сих пор нет и устоявшейся терминологии для его обозначения: используются такие определения, как *исланизм*, *политический ислам*, *исламский фундаментализм*, *исламский терроризм*, *джихадизм*, *ваххабизм*, *салафизм*, *возрожденчество* и т. д. Все они так или иначе выражают одну чрезвычайно характерную составляющую современного мирового политического процесса — широко распространённые и массовые, часто крайне агрессивные, в т. ч. и насильственные, движения, ставящие целью захват власти в соответствии с проектом создания всемирного исламского халифата.

Впервые в Новейшее время политический ислам заявил о себе в качестве проблемы мирового значения в ходе иранской революции 1978–1979 гг. Ускоренная европеизация экономической и культурной жизни в этой стране, осуществляемая шахской властью, встретила широкое общественное сопротивление, опиравшееся на исламские религиозные принципы, которые в короткий срок привели к власти духовно-религиозных лидеров иранского общества. События Иранской исламской революции произвели большое впечатление во всем мире и вызвали всплеск религиозной активности, в особенности в тех исламских государствах, где есть заметный мусульманский этнический компонент.

Переломным в истории становления исламизма можно считать события 11 сентября 2001 г., когда в Нью-Йорке в результате террористических актов рухнули башни-близнецы Всемирного торгового центра. Официальные власти обвинили в захвате самолётов и атаке на здания исламских террористов, руководимых Аль-Каидой, другие специалисты, тоже с аргументами в руках, утверждают, что это грандиозная провокация, организованная секретными службами США и Израиля¹. Название «Аль-Каида» с того времени становится нарицательным для всех экстремистских исламских группировок. Вне зависимости от их идейного содержания оно превращается в символ, объединяющий исламский экстремизм в миф, подобный призраку коммунизма, который «бродит по Европе». Об опасности, исходящей от исламских радикальных организаций, воплощаемых в Аль-Каиде, заговорили во всём мире, ей посвящали первые страницы крупнейшие американские и западноевропейские издания, вездесущей Аль-Каидой пугали обывателя в странах «золотого миллиарда». Однако в результате арабской смуты в целом ряде стран в центре ис-

¹ См., напр.: *Къеза Дж. Zero*. М.: ИД «Трибуна», 2008. Американский публицист Л. Райт, как и множество других, утверждает обратное. См.: *Райт Л. Аль-Каида*. М.: Geleos Publishing House; Кэпитал Трейд Компани, 2010. С. 348–376.

ламского мира под давлением местных салафитских сил рухнули национально ориентированные режимы, существовавшие десятилетиями, и на простор вырвались разнообразные исламистские группы, движения, ассоциации, вдохновлявшиеся различными учениями, в основном салафитскими. Так, в итоге рухнули, казалось бы, благополучные Ирак и Ливия, Сирия и Йемен превратились в арену ожесточённой борьбы между шиитами и суннитами, Египет пережил несколько смен власти и стал очень небезопасен для потенциальных туристов, которые то и дело становятся жертвами экстремистов, объявляющих себя «борцами за веру».

И наконец, апофеоз исламского радикализма, его наиболее массовое и бурное проявление — Исламское государство, стремительно ворвавшееся в мировую политическую жизнь и ставшее центром притяжения для многих сотен и тысяч приверженцев идеи восстановления всемирного исламского халифата, каковую увидели они в нём. В несколько месяцев Исламское государство (которое именовали также Исламским государством Ирака и Шамса, Исламским государством Ирака и Леванта) выдвинулось на роль лидера всех исламистских движений. Этим оно вызвало ярость Аль-Каиды, оказавшейся в тени ИГИЛ и Талибана, на подконтрольных территориях которой оно осмелилось учинить террористический акт, как бы указав тем самым, кто здесь хозяин. ИГИЛ быстро превратилось в центр притяжения для многих мусульман Западной и Восточной Европы, России, стран Центральной Азии. Туда по «зову сердца» отправились «пламенные» моджахеды из США, Великобритании и Дагестана, Франции и Татарстана, Германии и Тюменской области, Ямало-Ненецкого автономного округа, не говоря уже о странах ислама. По подсчётам российского специалиста по Дагестану А. Ярлыкапова, только из Дагестана в ИГИЛ перебрались, иногда вместе с семьями, примерно 500 защитников веры, а всего из России — 2 000 человек.

Росту симпатий к радикальным учениям в исламе в немалой степени способствовала утрата центральной объединяющей идеи, какой в своё время был смысловой проект строительства общества экономического и социального равенства; распад Советского Союза, продемонстрировавший убогость новоявленного социокультурного проекта, который нацелен исключительно на достижение финансового результата. Отсутствие возвышающих человека императивов привело к тому, что на первый план выдвинулись в первую очередь исламистские учения, в которых активная идея присутствовала, но в виде безусловного принятия ислама всеми гражданами России и государств СНГ и создания исламского теократического государства. И она в условиях отсутствия общероссийской солидаристской идеи оказалась востребованной. Преимущество этой доктрины перед накопительской формально-правовой идеологией победившего либерализма

состояло в том, что она обращалась к душе человека, взывала к «идеациональному миропредставлению», выделенному великим русско-американским мыслителем П. А. Сорокиным в качестве одного из типов культурной ментальности. Носители идеационализма стремятся приблизить свои души к Богу, причём спасти не только свои, но и души других людей. Таков, по классификации П. А. Сорокина, активный идеационализм¹, который демонстрируют деяния великих религиозных реформаторов. В случае с последними исламскими движениями типа ИГИЛа, Талибана, Аль-Каиды, отдельных группировок в Ливии духовные и материальные потребности и цели находятся в сбалансированном сочетании, но при этом материальные явно подчинены идеациональным, т. е. духовным, потребностям. В силу этого радикально настроенные исламисты, включая фундаменталистов «в себе», или «для себя», тяготеют к непреходящим, нетленным ценностям. Их философия Бытия — вечное, неизменное существование общества и политических отношений, тысячекратно воспроизводимое с времён пророка Мухаммада. А если так, то «все вопросы жизни человека и государства должны регулироваться божественными установлениями, а не отдаваться на откуп низким желаниям людей»². Временные, преходящие, краткосрочные ценности — на втором и третьем плане. Объявившие себя борцами за веру, где даже пророк Мухаммад не вписывается в доктрину единственности Бога, истинные ревнители чистоты ислама рассматривают внешние ценности материального мира лишь с точки зрения их полезности для достижения вечных, глобальных целей, в первую очередь создания халифата, в котором будут объединены все мусульмане мира и все территории, где есть хотя бы один правоверный. Будучи с этой точки зрения идеационалистами, суннитские радикалы в лице их лидеров (самые яркие среди которых Айман ал-Завахири, покойный Усама бен Ладен и др.) в целом безразличны к любым иллюзорным и суетным, по их убеждению, ценностям, а в ряде случаев и враждебны по отношению к ним как к причинам эрозии души и нарушения «революционной стойкости» и гармонии убеждений. В таком радикальном обществе материальный успех, богатство не могут стать преобладающей ценностью, они могут восприниматься только как необходимое условие достижения высокой, надмирной цели. Самые преуспевающие богачи в этих обстоятельствах не могут претендовать на роль стандарта, эталона жизненного успеха, исполнения божественного предназначения. Служение религии, абсолютистской этике, благочестие и знание шариатских законов, хадисов — вот идеал, на который должны ориентироваться, по убеждению салафитской части мусульман, истинный мусульманин. Но особо — за-

¹ Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. СПб.: Изд-во РХГИ, 2000. С. 48.

² Саран С., Наир Х. Радикальный ислам: вызов либеральному духу Индии // Радикальный ислам: Взгляд из Индии и России. М.: МОФ-ЭТЦ, 2010. С. 174.

щищать и отвоёвывать установленные Аллахом и переданные Пророком заповеди, свершать не только пять основных принципов (столпов) ислама, но и шестой — вести военный джихад в качестве ещё одного столпа веры и бескорыстной религиозной ценности.

В том же 1979 г. исламистская идеология получила дополнительный импульс с вводом советских войск в Афганистан. Исламизм становится знаменем сопротивления советскому вторжению не только афганских моджахедов, но и рьяных приверженцев ислама целого ряда мусульманских стран. Объявленный джихад оружием и деньгами охотно поддержал Запад, который неожиданно нашёл дополнительный идейно-политический аргумент в противостоянии с Советским Союзом.

В России Новейшего времени ислам как значимый политический фактор начал заявлять о себе с 1991 г. — после ликвидации советской власти и соответствующих социально-культурных идей. Наиболее резко это проявилось в Чечне. Возникший вакуум стала быстро заполнять религиозная догматика, в т. ч. исламская. На Северном Кавказе возникло и активизировалось движение радикального ислама. А в государствах Центральной Азии, где заявили о себе партии Хизб ут-Тахрир, Партия исламского возрождения Таджикистана, Исламское движение Узбекистана и т. д., выступления исламистов в ряде случаев поставили политическое руководство этих стран на грань выживания. Что уж говорить о мощном влиянии движения Талибан в Афганистане, которое распространилось на Пакистан и превратилось в реальную угрозу для существования бывших советских республик — Таджикистана, Узбекистана, Киргизии, Туркмении. Оно заставило напрячься лидеров Казахстана и даже, казалось бы, далёкой России.

Проблемы воздействия исламских радикальных течений на общество, характер межгосударственных и межконфессиональных отношений и прежде занимали одно из основных мест в российском и зарубежном исламоведении. Не меньший интерес у исследователей вызывает осмысление эндогенных особенностей исламской религиозной традиции: теологических представлений о природе власти, взаимосвязи общественных и правовых институтов.

Одна за другой появляются серьёзные работы отечественных (и зарубежных) специалистов, посвящённые исламскому радикализму. Его различные аспекты освещены в трудах А. М. Васильева¹, В. В. Наумкина², А. В. Малашенко³, А. И. Игнатенко⁴, М. Ф. Видясовой⁵,

¹ *Васильев А. М.* Пуритане ислама? Ваххабизм и первое государство Саудидов в Аравии (1744/45–1818). М.: Наука, 1967.

² *Наумкин В. В.* Исламский радикализм в зеркале новых концепций и подходов // Восток (Oriens), 2006. № 1; он же: Исламский радикализм в зеркале новых концепций и подходов. М.: URSS, 2005.

³ *Малашенко А. В.* Исламская альтернатива и исламистский проект. М.: Карнеги, 2006.

⁴ *Игнатенко А. И.* Ислам и политика. М.: Институт религии и политики, 2004.

⁵ *Видясова М. Ф., Орлов В. В.* Политический ислам в странах Северной Африки. История и современное состояние. М.: Изд-во МГУ, 2008.

И. Д. Звягельской¹, Р. Г. Ланды², Б. В. Долгова³, О. В. Карпачевой⁴, Э. Ф. Кисриева⁵, З. И. Левина⁶, В. И. Максименко⁷, В. В. Орлова⁸, М. З. Ражбадинова⁹, А. Д. Саватеева¹⁰, И. В. Следзевского¹¹ и других российских учёных. Но нынешний всплеск политизации ислама, его становление в качестве непосредственного фактора политической жизни повлекли за собой беспрецедентную волну публикаций в России и за её пределами. Политические аспекты, последствия радикальных выступлений мусульман — вот что больше всего напрягает исследовательскую мысль российских и зарубежных аналитиков.

В нашей работе радикальный ислам рассматривается с позиции цивилизационного подхода — прежде всего, как социально-политическое явление. Радикальными мы считаем те направления исламской религиозной (идеологической и практической) активности (они могут быть различными в каждом конкретном случае), которые противопоставляют себя не только общественному и внутригосударственному *status quo*, но и сложившемуся межгосударственному и даже межцивилизационному порядку. И здесь возникает вопрос: следует ли рассматривать в качестве радикальных те течения в исламе в какой-то стране (сколь бы экстремистски они ни проявили себя на международной арене, как, например, ваххабизм), если они приобрели официальный статус? Однако очевидно, что истоки радикализма и агрессивности того же ваххабизма следует искать именно в государстве Саудидов, в тех исторических религиозно-политических обстоятельствах, которые, по всей видимости, и привели к возникновению ваххабизма в его нынешнем виде и без исследования

¹ Звягельская И. Д., Наумкин В. В. Угрозы, вызовы и риски «нетрадиционного» ряда (Центральная Азия и Закавказье). М. РЦСМИ, 1999.

² Ланда Р. Г. Политический ислам: предварительные итоги. М.: ИБВ, 2005.

³ Долгов Б. В. Исламистский вызов и алжирское общество. М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2004.

⁴ Карпачева О. В. История исламской оппозиции в Египте. М.: Либроком, 2012.

⁵ Ware R., Kisriev E. F. Dagestan: Russian Hegemony and Islamic Resistance in the North Caucasus. Publisher: M. E. Sharpe, 2010; Кисриев Э. Ф. Ислам в Дагестане. М.: Логос, 2007.

⁶ Левин З. И. Реформа в исламе. Быть или не быть: опыт системного и социокультурного исследования. М.: ИВ РАН; Крафт+, 2005; он же: Предисловие // Фундаментализм. М.: ИВ РАН; Крафт+, 2003.

⁷ Максименко В. И. Фундаментализм и экстремизм в исламе. Предисловие // Ислам и исламизм: сб. статей. М. РИСИ, 1999.

⁸ Орлов В. В. Марокко: шерифская монархия как оппонент радикализма // Исламские радикальные движения на политической карте современного мира: Страны Северной и Северо-Восточной Африки / отв. ред. А. Д. Саватеев, Э. Ф. Кисриев. М.: Ленанд, 2015; он же. Стабильность на фоне «арабской весны»: Опыт Марокко // Арабский кризис и его международные последствия / отв. ред. А. Д. Саватеев, Л. М. Исаев. М.: Ленанд, 2014.

⁹ Ражбадинов М. З. Египетское движение «братьев-мусульман». М.: ИИИИБВ, 2004; он же: Новые формы экстремистской деятельности радикальных исламистских группировок суннитского толка. М.: ИИИИБВ, 2003; он же: Концепция такифа (обвинения в неверии) и джихада в идеологии организации «Аль-Джихад» на современном этапе. М.: ИИИИБВ, 2016.

¹⁰ Саватеев А. Д. Исламская цивилизация в Тропической Африке. М.: ИАФ РАН, 2006. С. 190–250.

¹¹ Следзевский И. В. Политический процесс и перспективы правящих режимов в Египте и Тунисе // Арабский кризис и его международные последствия. М.: Ленанд, 2014; Следзевский И. В., Кисриев Э. Ф., Саватеев А. Д., Нефляшева Н. А.: Введение // Исламские радикальные движения на политической карте современного мира: Страны Северной и Северо-Восточной Африки. М.: URSS/Ленанд, 2015.

роли которого в Саудовском королевстве вряд ли можно надеяться на постижение механизма воздействия и значения этого феномена в странах Азии и Африки. Авторы монографии отдают себе отчёт, что религиозоведческая составляющая в таком исследовании обязана присутствовать, так же как и политологический анализ. Однако обе методики, напомним ещё раз, вписываются в более широкий и глубокий подход — цивилизационный, который *à priori* подразумевает их в качестве элементов научного анализа.

Радикализм не сводится к сугубо политическим или социальным феноменам. Сам этот феномен суть выражение природы ислама, его стремления сохранить и утвердить себя в качестве ударного элемента всеохватывающей, универсальной цивилизации. Не обладая равнозначными технологическими средствами, экстремистские элементы прибегают к использованию силовых средств, чтобы компенсировать слабость своих ценностей и норм и особенно техническую отсталость в противостоянии иноцивилизационным доктринам.

В то же время концепция монографии исходит из представления о множественности радикальных течений мысли и их воплощений. Они, как показывает жизнь, далеко не едины, между ними идёт ожесточённая борьба за лидерство, за право представлять себя выразителями мыслей и настроений всей уммы как более других соответствующих духу и букве законов Аллаха.

Что представляет собой структура книги? Каждый том делится на две части. Первая часть включает общетеоретические работы: обобщающие исследования природы радикального ислама, его исторических корней, философских, правовых, религиозных обоснований, отражения в экономике. Будет востребован анализ сочинений классиков исламской мысли и доктринальных работ мусульманских правоведов и теологов, в которых содержится оправдание или обоснование экстремистской деятельности. Эти базовые тексты будут служить теоретической основой для понимания конкретных проявлений исламского радикализма, излагаемых во второй части монографии. Учитывая важность этих обобщающих исследований, мы выделяем их авторам от 1 до 4 а. л.

Во второй части публикуются региональные блоки статей, объединённые представлением об общей истории и социокультурном прошлом и настоящем населяющих этот регион народов, в которых исламистские движения будут рассматриваться на примере конкретного региона мира. Вначале последует одна, а при необходимости — и две аналитические статьи, в которых анализируются исторические, культурные, социальные предпосылки распространения ислама, степень проникновения и влияния на общественно-политическую жизнь данного региона.

Последовательность изучаемых регионов будет определяться их ролью и значением в мусульманском мире в целом, остротой борьбы радикальных сил с государством. Первый том, в котором анализируется политический ислам в странах Ближнего Востока и Северной Африки, уже вышел в свет¹. Выбор этого региона в качестве содержания первого тома предопределил накал кризисных событий, в которых первостепенную роль играют исламистские группировки. За ним последует том, посвящённый ситуации на Северном Кавказе и в республиках СНГ — Азербайджане и Грузии. Собраны статьи по всем республикам, и редколлегия уже приступила к редактированию его материалов. Содержанием третьего тома, вероятно, будет Исламское государство, выдвинувшееся на первое место в качестве фактора геочивилизационного значения и играющее ныне ведущую роль в мировом исламистском движении. Странам Среднего Востока и Центральной Азии будет отведён, видимо, следующий, четвертый том. Часть материалов предоставлена авторами. Далее последует «африканский» том, для которого авторы также подготовили ряд статей, где исследуются сложнейшие процессы влияния исламизма на африканские общества и государства, способствующие трансформации взаимоотношений исламизированной Африки с западным миром и уммой в целом. Затем в порядке убывания социально-политического противостояния и ослабления влияния радикальных группировок пойдут разделы, посвящённые исламистским тенденциям в России, Западной и Центральной Европе.

Основой региональных блоков будут главы по отдельным странам, в которых наиболее выразительно и полно выражается специфика радикальной мысли и практики современного исламизма. Каждая глава по объёму должна составлять не менее 1 а. л.

Редколлегия выработала некоторые общие установки по структуре и содержанию постранных глав, суть которых сводится к изложению общих сведений о стране, что позволит читателю составить общее представление о каждой стране и тем самым приблизиться к пониманию причин и особенностей возникновения и эволюции мусульманского радикализма. В частности, во вводной части на 2–4 страницах целесообразно изложить сведения о географическом положении страны, её численном и этническом составе, основных конфессиональных группах, политическом режиме, форме правления и политических партиях и кратко ознакомить с историей распространения и современным положением этой мировой религии в данном регионе.

В основной части страновой статьи, помимо научного анализа, автор должен дать сведения о существующих в стране радикальных

¹ Исламские радикальные движения на политической карте современного мира: Страны Северной и Северо-Восточной Африки / отв. ред. А. Д. Саватеев, Э. Ф. Кисриев. М.: Ленанд, 2015.

исламских организациях и численности их членов, изложить цели и задачи организации, по возможности, раскрыть источники и объёмы финансирования, рассказать о связях как с религиозными, так и светскими ассоциациями не только внутри страны, но и за её пределами. Конечно, читателей заинтересуют страницы об истории зарождения и развития, основных положениях духовно-религиозной и политической доктрин движений. Организационное строение, особенности лидерства, иерархии и власти в группировках, их деятельность и отношения с государственными структурами, как и реакция официальных властей на выпады исламистов — все эти темы должны найти освещение в страновой главе. Принципиальные вопросы отношений исламских радикалов с обществом, иными конфессиональными и мусульманскими общинами, как и отношение общества и государственных органов к исламским радикалам, вносят заметный научный вклад в исследование многих аспектов жизни обществ Африки, Азии, нашего Отечества. А оценки национальными и зарубежными мыслителями и политиками идей и деяний лидеров исламских политических движений помогают поставить точки над *i*, окончательно разобраться в том, куда ведут мир такфириты-салафиты, какова их роль в судьбе государства, общества, исламской цивилизации.

Конечная цель будет достигнута, если в заключении автор попытается сделать выводы о смысле деятельности анализируемых движений, представит прогноз эволюции исследуемых радикальных структур и их роли в грядущей трансформации общественно-политического устройства страны.

Литература

Васильев А. М. Пуритане ислама? Ваххабизм и первое государство Саудидов в Аравии (1744/45–1818). М.: Наука, 1967.

Видясова М. Ф., Орлов В. В. Политический ислам в странах Северной Африки. История и современное состояние. М.: Изд-во МГУ, 2008.

Долгов Б. В. Исламистский вызов и алжирское общество. М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2004.

Звягельская И. Д., Наумкин В. В. Угрозы, вызовы и риски «нетрадиционного» ряда (Центральная Азия и Закавказье). М.: Российский центр стратегических и международных исследований, 1999.

Игнатенко А. И. Ислам и политика. М.: Институт религии и политики, 2004.

Исламские радикальные движения на политической карте современного мира: Страны Северной и Северо-Восточной Африки / отв. ред. А. Д. Саватеев, Э. Ф. Кисриев. М.: Ленанд, 2015.

Карпачева О. В. История исламской оппозиции в Египте. М.: Либроком, 2012.

Кисриев Э. Ф. Ислам в Дагестане. М.: Логос, 2007.

Къеза Дж. Zero. М.: ИД «Трибуна», 2008. 368 с.

Ланда Р. Г. Политический ислам: предварительные итоги. М.: ИБВ, 2005.

Левин З. И. Предисловие // *Фундаментализм.* М.: ИВ РАН; Крафт+, 2003.

Левин З. И. Реформа в исламе. Быть или не быть: опыт системного и социокультурного исследования. М.: ИВ РАН; Крафт+, 2005.

Максименко В. И. Фундаментализм и экстремизм в исламе. Предисловие // *Ислам и исламизм: сб. статей.* М.: Российский институт стратегических исследований, 1999.

Малашенко А. В. Исламская альтернатива и исламистский проект. М.: Карнеги, 2006.

Наумкин В. В. Исламский радикализм в зеркале новых концепций и подходов. М.: URSS, 2005.

Наумкин В. В. Исламский радикализм в зеркале новых концепций и подходов // *Восток (Oriens),* 2006. № 1. С. 5–25.

Орлов В. В. Марокко: шерифская монархия как оппонент радикализма // *Исламские радикальные движения на политической карте современного мира: Страны Северной и Северо-Восточной Африки / отв. ред. А. Д. Саватеев, Э. Ф. Кисриев.* М.: Ленанд, 2015. С. 282–319.

Орлов В. В. Стабильность на фоне «арабской весны»: Опыт Марокко // *Арабский кризис и его международные последствия / отв. ред. А. Д. Саватеев, Л. М. Исаев.* М.: Ленанд, 2014. С. 161–174.

Ражбадинов М. З. Новые формы экстремистской деятельности радикальных исламистских группировок суннитского толка. М.: ИИИиБВ, 2003.

Ражбадинов М. З. Концепция такфира (обвинения в неверии) и джихада в идеологии организации «Аль-Джихад» на современном этапе. М.: ИИИиБВ, 2003.

Ражбадинов М. З. Египетское движение «братьев-мусульман». М.: ИИИиБВ, 2004.

Райт Л. Аль-Каида. М.: Geleos Publishing House; Кэпитал Трейд Компани, 2010. 416 с.

Саватеев А. Д. Исламская цивилизация в Тропической Африке. М.: ИАФ РАН, 2006. 303 с.

Саран С., Наур Х. Радикальный ислам: вызов либеральному духу Индии // *Радикальный ислам: Взгляд из Индии и России.* М.: МОФ-ЭТЦ, 2010.

Следзевский И. В. Политический процесс и перспективы правящих режимов в Египте и Тунисе // *Арабский кризис и его международные последствия.* М.: Ленанд, 2014. С. 94–108.

Следзевский И. В., Кисриев Э. Ф., Саватеев А. Д., Нефляшева Н. А. Введение // Исламские радикальные движения на политической карте современного мира: Страны Северной и Северо-Восточной Африки / отв. ред. А. Д. Саватеев, Э. Ф. Кисриев. М.: URSS/Ленанд, 2015.

Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. СПб.: Изд-во РХГИ, 2000. 1054 с.

Ware R., Kisriev E. F. Dagestan: Russian Hegemony and Islamic Resistance in the North Caucasus. Publisher: M. E. Sharpe, 2010. 251 p.

PRESENTATION OF THE PROJECT “ISLAMIC RADICAL MOVEMENTS ON THE POLITICAL MAP OF THE CONTEMPORARY WORLD”

Anatoly D. SAVATEYEV

Dr. Sci. (Hist.), professor, leading research fellow, Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences (30/1, Spiridonovka St., Moscow, 123001, Russian Federation).
E-mail: asavat@mail.ru

Abstract. The article presents the basic scientific approaches and principles of the draft study of modern Islamist movements in the world political process undertaken by the Centre for Civilizational and Regional Studies of the Institute for African Studies (RAS) with the participation of authoritative experts from many Russian universities and foreign centers. The questions stood behind the concept of Islamic radicalism such as why, how and where it originated, what historical and social role it performs in the world were assigned by the initiators of the monograph, which has no analogues in the sphere of Islamic studies.

Keywords: Islam, Islamism, political Islam, Islamic radical movements, Salafism, Wahhabism, Islamic State, civilizational approach, Islamic fundamentalism.

